

MISCELLANEA

УДК 316.33

DOI: 10.17223/2312461X/31/7

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ

Дмитрий Михайлович Бондаренко

Аннотация. Общества представляют собой системы, состоящие из большого числа разнообразных взаимодействующих и изменяющихся социальных институтов. В результате их взаимодействия и трансформации происходит изменение структуры обществ в целом. Это и есть социальная эволюция – процесс структурного изменения. Эволюция не имеет определенного направления: любое значимое, т.е. трансформирующее общественную структуру в любом направлении, изменение является эволюционным. Помимо степени сложности, определяемой количеством уровней политической интеграции, общества как системы социальных институтов имеют еще одну фундаментальную характеристику, которую можно назвать базовым принципом организации. То, какой принцип воплощает общество, зависит от характера взаимоотношения социальных институтов в нем. Можно выделить два базовых принципа организации обществ: гетерархический (взаимоотношение институтов, при котором они неранжированы или обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными различными способами) и гомоархический (взаимоотношение институтов, при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают значительным потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другими способами, по крайней мере, без кардинального изменения всего общественно-политического устройства). Гомоархия и гетерархия представляют собой наиболее универсальные «идеальные» (обобщенные) принципы и базовые траектории социокультурной организации. Не существует универсальных эволюционных стадий: общества могут быть (преимущественно) гетерархическими или гомоархическими, имея одинаковый уровень сложности. Общество может изменить базовый принцип своей организации, не переходя на иной уровень сложности. Альтернативность существует и внутри каждого из двух типов обществ. Дихотомия гетерархии и гомоархии проходит через всю историю человечества: ее можно наблюдать на всех уровнях социальной сложности во все исторические периоды и во всех географических регионах, включая глобальный мир нашего времени. Трансформации способов ранжирования социальных институтов и их комплексов – подсистем общественной организации (гомоархического или гетерархического), с одной стороны, и изменения общего уровня социокультурной сложности – с другой, – есть два разных, в целом не связанных друг с другом процесса. Дихотомия гетерархии и гомоархии в значительной степени обусловила неоднолинейную и альтернативную сущность глобального социокультурного процесса. Адекватное понимание социокультурной истории не представляется возможным без учета альтернативности базовых принципов организации обществ, их взаимодополняющего и конкурентного существования

и их взаимной динамики на всем протяжении истории человечества. Учет этого также позволяет рассматривать будущее современного глобального мира как не предопределенное, но имеющее несколько возможных сценариев, в которых го-моархический и гетерархический принципы могут по-разному соотноситься на различных уровнях – национальном, международном и транснациональном.

Ключевые слова: социальные институты, принципы организации обществ, гетерархия, гомоархия, социальная эволюция

Введение

Общества представляют собой сложные динамические системы взаимодействующих и пересекающихся элементов – социальных институтов. Каждая такая система институтов (как и каждый отдельный институт) формируется в конкретных, в той или иной степени специфических и даже уникальных социокультурных и исторических условиях. Этим определяется своеобразие ее структуры и механизмов функционирования. То, каким образом социальные институты взаимосвязаны, определяет базовый принцип организации общества. По нашему мнению, этих принципов два, и они проходят через всю историю человечества: любое общество любой эпохи, как правило, более или менее ярко воплощает тот или иной из них. Это означает, что речь идет именно об организационных принципах, а не эволюционных стадиях или социально-политических формах – о двух различных (хотя и пересекающихся, даже взаимодополнительных в социоисторической реальности) базовых принципах, на которых основываются общества всех уровней сложности как системы институтов. То есть помимо сложности, измеряемой в антропологии количеством уровней политической интеграции, общества как системы социальных институтов имеют еще одну фундаментальную характеристику, которую мы и называем базовыми принципами общественной организации. В данной статье мы постараемся показать, как связано следование обществом одному из базовых принципов организации с тем, как соотносятся и взаимодействуют в нем социальные институты.

Основные характеристики социальных институтов

Понятие «институт» еще в конце XVII – начале XVIII в. использовал философ и предтеча социологической науки Джамбаттиста Вико. Со становлением же общественных научных дисциплин в XIX в. понимание общества как состоящего из социальных институтов и само понятие «социальный институт» прочно вошли в научный обиход. В современной науке наиболее широко распространен взгляд на социальные институты как сложные самовоспроизводящиеся общественные формы в различных сферах жизнедеятельности. В частности, по

известному определению Дж. Тернера, социальный институт – это «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, содержащихся в определенных типах социальных структур и организующий относительно стабильные модели человеческой деятельности в отношении фундаментальных проблем, связанных с производством жизнеобеспечивающих ресурсов, воспроизводством людей и поддержанием жизнеспособных социальных структур в данной среде» (Turner 1997: 6).

Как правило, институты рассматривают как составные части отдельных обществ, которые, в свою очередь, видятся более или менее закрытыми и самодостаточными социокультурными единицами. Однако один институт может охватывать много обществ (например, правовые институты, такие как международные трибуналы или институты международной торговли), и даже институты, функционирующие в одном обществе, могут возникать как реакция на региональные или глобальные вызовы (к примеру, политические институты западного типа в колониальных и постколониальных государствах). Эти утверждения верны для древних и средневековых обществ, тем более, для обществ Нового времени и особенно явственно – для обществ наших дней, когда они стали настолько сложными, что мир превратился в глобальное сообщество и национальные государства уже недостаточны для эффективного управления им. Критические вызовы, с которыми сегодня человечество сталкивается повсеместно, – глобальное потепление, пандемии, международный терроризм и многие другие – не смогут получить достойный ответ без участия наднациональных политических институтов. Таким образом, более продуктивно смотреть на институты даже в отдельном обществе как на части более широких систем институтов, охватывающих множество обществ. Однако также нельзя забывать, что при всей взаимосвязанности общества все же имеют границы, которые обычно знают и соблюдают их члены, даже если политические границы размыты, как во многих мир-системах древности и Средневековья или некоторых современных региональных объединениях, таких как Европейский союз.

Другой важный момент касается обществ как систем социальных институтов различных видов и объединений обществ (государств) как транснациональных систем институтов. Всегда необходимо учитывать, что механизм функционирования систем институтов неправильно уподоблять механизму типа часового. В часах работа всех деталей гармонизирована, скоординирована, и именно этим обеспечивается их точный ход. В обществе же или объединении обществ институты могут не только дополнять друг друга, но и конфликтовать. Более того, этот конфликт институтов может придавать динамизм всей общественной или трансобщественной системе, особенно когда институты являются порождением обществ разных социально-экономических и культурных

типов, например, когда доиндустриальные и индустриальные, автохтонные и западные институты оказались совмещенными в колониальных и постколониальных обществах.

Институты могут не только дополнять или конфликтовать друг с другом. В ходе исторических трансформаций общества социальные принципы и ценности, выработавшиеся в том или ином институте и определявшие его суть, могут выйти за его пределы и стать не менее фундаментальными для более современных институтов в более сложном обществе. Хорошим примером этому служит принцип общинности как основа социокультурной традиции субсахарской Африки. На всем протяжении истории региона от глубокой древности до наших дней община остается в нем базовым социальным институтом. Но в сложных африканских обществах (доколониальных, колониальных и постколониальных) принцип общинности проявляет себя в способности общинных по происхождению и сущности мировидения, сознания, моделей поведения, социально-политических норм и отношений распространяться далеко за пределы общины как конкретного института. Эти общинные принципы, пусть и в модифицированном, а иногда и искаженном виде, сегодня играют важнейшую роль на всех уровнях социокультурной сложности и в огромном множестве институтов, включая социологически над- и необщинные, вплоть до мегаполисов и диаспорных сообществ.

Социальный, т.е. общественный, характер институтов обусловлен тем, что жизнь людей протекает в социуме (обществе), вследствие чего и формы их организации имеют не индивидуальную, а коллективную – социальную – природу. Этим фактом обусловлены важнейшие характеристики социальных институтов.

Во-первых, воспроизводящиеся из поколения в поколение социальные отношения и модели поведения складываются в рамках социальных институтов. Многие институты сами являются системами организаций. Люди включены в организации, становящиеся составными частями институтов, и могут целенаправленно создавать институты индивидуально или коллективно – промышленные корпорации и университеты, политические партии и религиозные общины... Социальные институты не следует антропоморфизировать: они не возникают и не изменяются сами, но создаются и трансформируются людьми. Выдающиеся личности могут налагать особенно яркий отпечаток на облик и характер функционирования институтов, как Петр I – на политические институты в России, или Генри Форд – на экономические институты капиталистических обществ. Однако возникновение и существование в обществе самого феномена социальных институтов не связаны с проявлением чьей-либо осознанной воли. Социальные институты – результат непреднамеренной общественной самоорганиза-

ции. Они существуют потому, что на всем протяжении истории человечества оправдывают себя как оптимальные структурные единицы социального организма – общества. Устанавливая правила поведения вовлеченных в них людей и тем самым ограничивая их индивидуальную свободу, институты упорядочивают и регулируют межличностные и межгрупповые, т.е. общественные, отношения, позволяя существовать и развиваться социуму как целому.

Вопрос же о том, почему люди чаще всего добровольно соглашались принимать общественные нормы и тем самым ограничивать свободу своего поведения, по сей день остается одним из наиболее дискуссионных в обществознании (см. например: Austin 1962; Claessen 2005). В социальной философии теория коллективного принятия институтов утверждает, что люди принимают институты потому, что они всегда являются результатом коллективных усилий: люди создают институты совместно и принимают ограничения, которые институты налагают на их поведение, как устанавливаемые ими самими, а не какой-либо внешней силой (см. например: Realism... 2003: 169–278; Searle 2010; Tuomela 2013; Institutions... 2014).

В некоторых других общественных науках, в частности в антропологии, теория коллективного действия предлагает практически ту же точку зрения (например: Cooperation... 2013; Blanton, Fargher 2016). Необходимо отметить, что когда люди хотят изменить свои социальные институты, они делают это также посредством коллективных действий (Melucci 1996; Francisco 2010). «...фундаментальные институты общества обязаны своей стабильностью принятию или, по крайней мере, согласию, которого они добиваются от граждан. Если это принятие или согласие исчезает, прежние институты уходят, поскольку открываются шлюзы для коллективных действий» (Medina 2007: xviii).

Во-вторых, появление социальных институтов и их существование в том или ином виде всегда обусловлены исторически и социокультурно. Хотя деятельность людей не запрограммирована полностью историческими и социокультурными условиями бытия, эти условия все же задают определенные рамки проявлений их свободы воли. К примеру, университет как образовательный институт не мог быть создан в архаическом обществе – для этого не было социальных предпосылок, общественной потребности в подобном институте. Но это не означает, что в архаическом обществе не было институтов обучения; просто они были иными – адекватными реалиям именно такого общества. Обучение в нем состояло прежде всего в усвоении человеком общественно-полезных навыков путем наблюдения за действиями старших членов коллектива и следования их указаниям при попытках эти действия повторить.

В-третьих, общественная природа институтов проявляется в том, что возникновение каждого из них обусловлено необходимостью удовлетворения тех или иных потребностей группы обществ, отдельного общества или его части. По мере изменения и исчезновения соответствующих потребностей трансформируются и прекращают существование призванные удовлетворять их институты. Например, институт общины возник как изначальная форма удовлетворения целого комплекса потребностей человека – экономических, социокультурных и т.д. – в доиндустриальных обществах. На протяжении многих тысячелетий докапиталистической истории человечества община обретала различные формы, адекватные потребностям социума той или иной эпохи, того или иного региона. Скажем, неолитическая ближневосточная община имела множество отличий от общины средневековой Европы. Со становлением же капитализма община стала разлагаться, перестав удовлетворять потребностям индустриализовавшегося общества, тормозя его развитие. Однако в большинстве колониальных и постколониальных социумов, как было сказано выше, община оставалась и остается базовым институтом, поскольку, несмотря на привнесение многих капиталистических институтов и видов отношений, в них (особенно в сельской местности) продолжали и продолжают существовать важные сферы и сегменты, которым община по-прежнему адекватна. В частности, «развитие Африки должно строиться на независимых национальных государствах, чья экономическая основа – доиндустриальное сельское хозяйство» (Hart 2011: 13). В то же время и в Африке, там, где в сельской местности все же развивается капитализм, «декрестьянизация» начинает угрожать существованию общины как социального института (Byrceson 2018) при сохранении принципа общинности.

В-четвертых, институты функционируют на основе норм. Некоторые ученые даже считают, что социальные институты – это именно своды норм (общественных условностей, правил), а не учреждения и организации (например: Schotter 1981; North 1992; Taylor 1993). Нормы определяют правила поведения людей в рамках тех или иных институтов и сами рамки институтов – набор ситуаций и сфер жизнедеятельности, в которых члены общества должны вести себя в соответствии с нормами данного института. Тем самым нормы влияют на общественное поведение людей в рамках институтов, предписывая им одни социальные роли (модели поведения), допуская другие и запрещая третьи. За нарушение норм предусматриваются санкции. Нормы и санкции могут быть как писаными, так и неписаными, а институты – соответственно, формальными и неформальными. Естественно, нормы и санкции за их нарушение всегда неписаные (а институты, следовательно, – неформальные) в тех архаических обществах, у которых нет письменности. Но это ни в коей мере не означает, что нормы и санкции в них

менее жесткие, а институты всегда более аморфные. Неписанные нормы основаны на так называемом обычном праве, которое, в свою очередь, воплощает в себе социокультурную традицию народа. Традиция же воспринимается как незыблемая, не нуждающаяся в доказательствах своей ценности и истинности, а потому поведение вопреки ей может быть строго наказуемо. В обществах, обладающих письменностью, деятельность социальных институтов в значительной степени официально (законодательно) регламентирована, основные институты формализованы. Но и в них остается место для неформальных институтов (объединений родственников, землячеств, политических кланов и т.д.) и неписаных норм, обусловленных в современных социумах силой общественного мнения, а также санкций, основанных не на наказании, а на моральном осуждении.

Процесс сложения социального института – институционализации, начинаясь с появления общественной потребности в нем, завершается с установлением норм, на основе которых он начинает существовать, и выработкой иерархии статусов и ролей вовлеченных в него индивидов и групп. В этой иерархии каждый, кто включается в данный социальный институт, обретает то или иное место неизбежно, потому что становится его членом в определенном качестве, выполняет в нем ту или иную функцию. Системы статусов и ролей в рамках социальных институтов образуют их внутреннюю структуру. Поскольку с течением времени общественные условия существования социальных институтов меняются, системы статусов и ролей в них претерпевают трансформации. То есть структура институтов динамична, а история трансформаций систем статусов и ролей в них составляет суть истории самих социальных институтов.

Отдельный социум, мир-система, а в наши дни – и транснациональное глобальное сообщество могут быть представлены как системы социальных институтов. Социальные институты – единицы его организации, и общественные трансформации происходят в виде трансформаций институциональных – самих институтов и связей между ними. Каждый индивид включен во множество институтов, образующих его общество. По ходу социальной истории общества и системы обществ все более усложняются, и количество и разнообразие институтов, в которые вовлечен человек, нарастает. Как член общества индивид неизбежно и постоянно включен в социальные отношения и поэтому проводит всю жизнь в системе социальных институтов, каждодневно ситуативно «перемещаясь» из одного института в другой.

Отдельные общества и мир-системы состоят из социальных институтов, но они больше, чем их совокупность, и сложнее, нежели конструкция из подогнанных друг к другу отдельных деталей, подобно стоящему из бревен, кирпичей или панелей дому. Социальные институ-

ты обладают той или иной степенью автономности, но они никогда не изолированы друг от друга. Существенные изменения в одном институте неизменно сказываются на других институтах. Общество является сложной динамической системой пересекающихся, взаимозависимых, находящихся в постоянном многонаправленном взаимодействии друг с другом социальных институтов. В конечном счете, общество есть система взаимосвязанных социальных институтов. Это так потому, что комплекс социальных институтов удовлетворяет (или, во всяком случае, призван удовлетворять) всю совокупность отдельных общественных потребностей. В свою очередь, их удовлетворение необходимо для непрерывного самовоспроизводства общества, что можно считать его наиглавнейшей потребностью.

Базовые принципы организации обществ

Даже самые простые общества состоят из множества социальных институтов. Организационный принцип, который воплощает общество, зависит от того, как соотносятся в нем институты – как они ранжированы по отношению друг к другу. К. Крамли ввела в антропологию понятие «гетерархия». В прямом соответствии с содержанием этого понятия в биофизике, откуда она и перенесла этот термин в науку об обществе, К. Крамли определяет гетерархию «...как взаимоотношение элементов, при котором они неранжированы или когда они обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными несколькими различными способами» (например: Crumley 1995: 3). Соответственно, противоположная гетерархии ситуация может быть названа «гомоархией» и определена как взаимоотношение элементов (социальных институтов), при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают (или обладают небольшим) потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другим или несколькими другими способами, по крайней мере, без кардинального изменения всего общественно-политического устройства.

Оппозицией «гетерархии» является именно «гомоархия», а не «иерархия» потому, что не бывает неиерархических (не имеющих иерархий), в полном смысле слова эгалитарных обществ; обычно «неиерархическими» или «эгалитарными» неточно и неверно называют общества, в которых сложилась система гетерархически соотносящихся друг с другом иерархий. Иерархия – атрибут любой социальной системы, притом что в любом обществе можно наблюдать и «вертикальные» (доминирования – подчинения), и «горизонтальные» (равноправные) социальные связи. Однако «вертикальные» и «горизонтальные» связи играют различную роль в разных обществах в каждый конкретный момент. Так что вопрос о различиях между обществами с точки зрения их

организации как систем институтов заключается не в том, образуют институты иерархии или нет, но в том, как эти иерархии институтов взаимосвязаны. Даже у так называемых эгалитарных охотников и собирателей, которые могли не иметь родов или иных десцентных групп, концепций социальной иерархии и лидерства, чье мировидение подталкивало их к тому, чтобы «усердно стараться относиться ко всем как к равным» (Flannery, Marcus 2012: 549), а «накопление богатства считалось асоциальным» (Barnard 2017: 331), – хадза, шошонов, палийан и др., – ученые обнаруживают минимальную социальную дифференциацию и, соответственно, иерархии и неравенство в сочетании с неформальным лидерством (например: Johnson 1982; Johnson, Earle 2000; Lewis 2002; Артемова 2009). С исторической точки зрения «общепринятый в науке взгляд, согласно которому изначальное социальное равенство было естественным состоянием человечества и отправной точкой человеческой истории, может оказаться научной конструкцией, несовместимой с реалиями древности» (Finlayson, Artemova 2020: 9). Также важно, что дочеловеческие «...виды приматов... демонстрируют разнообразие степеней доминирования», а не эгалитарность (Butovskaya 2020: 20). Не только не следует путать гетерархию с эгалитаризмом в строгом смысле этого слова, но и гомоархия не должна отождествляться с иерархией.

В то же время необходимо подчеркнуть, что невозможно обнаружить не только общества с полным отсутствием иерархий (в том числе неформальных), но и всецело гомоархические общества. С одной стороны, как справедливо отмечает П.П. Швайцер, необходимо «уничтожить общий ярлык “эгалитарности” и превратить его в континуум реальных констелляций неравенства ...даже горячие сторонники “первобытного коммунизма” соглашались, что “полного равенства” не существует...» (Schweitzer 2000: 129). С другой стороны, на противоположном конце шкалы уровней сложности даже такие общества, как «архаические государства», обычно представляемые обществами с низкой социальной мобильностью и высокой степенью бюрократизированности (Египет эпохи фараонов, Ур времени III династии, держава инков и др.), в действительности «были и гетерархическими, и иерархическими [гомоархическими]» (выделено авторами. – Д.Б.) (Marcus, Feinman 1998: 11). Таким образом, на самом деле речь должна идти не о гетерархических и гомоархических обществах как составляющих жесткую оппозицию друг другу типах, а об оси гетерархии-гомоархии, вдоль которой в той или иной точке располагаются все общества. Более того, на уровне не теории, а исторических реалий иногда кажется слишком затруднительным обозначить общество как «гомоархическое» или «гетерархическое» даже на самом общем уровне анализа, как в случаях с позднеантичными германцами и раннесредневековыми «варварскими

королевствами», в которых монархическая власть и достаточно жесткая социальная иерархия сочетались (по крайней мере, поначалу) с демократическими институтами и процедурами (например, выборами короля), не менее значимыми для функционирования социально-политической системы как целого. Уже достаточно давнее высказывание Г. Файнмана остается актуальным: «Антропологи долго дискутировали о спектре социальных механизмов, интегрирующих людей посредством и горизонтальных (более эгалитарных), и вертикальных (более иерархических) связей», но только «продолжающиеся сравнительные исследования должны помочь поместить эти разнообразные социальные приспособления в более широкий диахронный контекст» (Feinman 1996: 189). Как бы то ни было, нереально измерить степень гетерархичности и гомоархичности того или иного общества с математической точностью, например, в процентах. Сугубо количественный подход здесь вообще неприемлем: наличие в обществе, допустим, десяти социальных иерархий не делает его более гетерархическим и менее гомоархическим по сравнению с обществом с пятью социальными иерархиями, если в первом из них присутствует, а во втором отсутствует одна доминирующая иерархия, организующая систему общественных институтов в целом. Путь к определению общества как преимущественно гетерархического или гомоархического лежит через анализ его как целого – как системы иерархий социальных институтов, и целью этого анализа должен быть не подсчет иерархий, а понимание характера и способа их взаимосвязи.

Следовательно, вопросы, встающие при исследовании под данным углом зрения конкретного общества, – жестко, всегда единообразно или не жестко и ситуативно ранжированы в нем иерархии: оказываются ли некие два индивида или группы индивидов единообразно ранжированными по отношению друг к другу в любом социальном контексте? К примеру, в образцово гетерархическом обществе пуштунов долины Сват, каковым оно предстает в описании Ф. Барта (Barth 1959), человек мог занимать неодинаковое место в иерархиях трех пересекавшихся главных элементов социальной организации: территориальных делений, каст и патрилинейных родственных групп, дополнявшихся значительным количеством добровольных ассоциаций, основывавшихся на соседстве, браке и свойстве, политическом и экономическом клиентелизме и т.д. Таким образом, индивид *X* мог быть выше своего соплеменника *Y* в одном социальном контексте, но ниже или равным ему в другом. Еще один архетипический пример сложной гетерархической системы – гражданская община (полис) Афин V–IV вв. до н.э., в которой граждане, имевшие более низкий статус в одной иерархии (допустим, военной), вполне могли занимать более высокое положение в других (скажем, экономической или системе магистратов). Соответ-

ственно, было невозможно утверждать, что один гражданин социально выше или ниже другого в абсолютном смысле. Все граждане эксплицитно уравнивались друг перед другом законом (и им же поднимались над не-гражданами).

В то же время история дает множество примеров ситуаций, в которых управляемые не имели шансов возвыситься над управляющими. Например, русский крепостной крестьянин ни при каких условиях не мог оказаться социально равным дворянину (а тем более выше него), как не может солдат не быть ниже офицера. Вообще регулярная армия представляется идеальным образом в целом гомоархического общества и реальной моделью подобного сообщества. Жесткое вертикальное деление военнослужащих по воинским званиям – ее всеохватывающая основа и залог эффективности функционирования; положение человека в армии есть прямая производная от его позиции на единственной шкале званий, которой всецело определяются сферы и границы его профессиональных обязанностей, ответственности и прав. В то же время неформальные горизонтальные связи соединяют военнослужащих одного и того же или близких званий, устанавливая неформальные вторичные иерархии, например, придавая больший авторитет среди сослуживцев храбрым солдатам, нежели трусливым, талантливым военачальникам, нежели бездарным.

Иерархии социальных институтов отражают иерархию принятых в обществе ценностей. Иначе говоря, каждая иерархия подкрепляется особой системой ценностей, в свою очередь, коренящейся в космологии членов данного общества. С одной стороны, доминирование так называемых коллективных идеологий способствует установлению социокультурной гетерархии и ограничивает индивидуальную власть или даже препятствует появлению ее институтов (Flannery, Marcus 2012; The Greek Polis... 2013; Wright 2016). С другой же стороны, общество может считаться гомоархическим, когда в нем утверждается одна ценность, центральная для всех существующих в нем социальных иерархий, не только интегрирующая, но и ранжирующая пирамидальным образом все остальные, вторичные по отношению к ней, ценности и социальные иерархии, за которыми они стоят. В таких условиях эта ценность «охватывает» все остальные и делает общество, по выражению Л. Дюмона (1997), «холистическим», т.е. гомоархическим, когда целое безусловно доминирует над составляющими его частями как высшее выражение этой всеобъемлющей и всепроникающей ценности. Л. Дюмон опирался на свои исследования кастового строя в Индии, приписав статус «охватывающей» идее о степени ритуальной чистоты как определяющей место каждой касты и индивида в индуистском социуме. Ныне взгляды Л. Дюмона нередко подвергаются критике (например: Hierarchy... 2018), однако значимость его теоретического вклада подтверждается, например, тоталитарными обществами XX в., в

которых, скажем, идеи коммунизма, маоизма и другие явственно играли роль, приписываемую Л. Дюмоном ритуальной чистоте в Индии.

В подтверждение значимости теоретических положений Л. Дюмона можно привести и примеры так называемых традиционных обществ. В частности, Я. Вансина сделал обобщение, что «королевства Тропической Африки... являлись продуктами идеологии более чем любой другой силы... Королевства Тропической Африки действительно сначала были созданы в умах и укоренены в вере» (Vansina 1992: 21, 24). Даже в простых обществах гомоархизация могла произойти благодаря выдвиганию на передний план идеологий, основанных на «охватывающей» идее фундаментального деления всех членов общества на тех, кто имеет и не имеет доступ к эзотерическим знаниям, и право осуществлять связанную с ними деятельность, в том числе управленческую (Bern 1979; Artemova 2003; Peterson 2020).

Однако «охватывание» не всегда коренится непосредственно в области идей и ценностей. Оно вполне может возникнуть как результат религиозно-идеологической концептуализации уже существующих социально-политических реалий, как это произошло в Полинезии с идеей «конического клана», или рэмиджа, заключающейся в том, что генеалогическое расстояние от старшей родственной линии есть единственный главный критерий социальной стратификации (например: Sahlins 1958; Goldman 1970; Claessen 2018).

В любом случае, в противоположность «холистическим» (гомоархическим) социумам, в условиях «множественности “иерархических”, или асимметричных, оппозиций, ни одна из которых не сводима ни к одной другой или к единой всеподчиняющей оппозиции или идее», «ситуация немедленно отклоняется от формулировки Дюмона» (Mosko 1994: 214) – общество не подходит под гомоархическую модель. В целом гетерархическом обществе следует ожидать позитивной оценки индивидуализма в его интеллектуальной и социальной жизни («сфокусированной на эго социальной системы» (White 1995)), связанной с установленным в нем акцентом на личные честь и достоинство, как и важности общественного мнения, высокой степени социальной мобильности и, по крайней мере, численного превалирования достигнутых статусов над изначально предопределенными. Это типично не только для таких парадигматических примеров гетерархических культур, как античные полис и цивитас, некоторые позднеантичные и раннесредневековые общества Европы или страны Запада начиная с эпохи Возрождения, но и для многих других культур, возможно, менее знаменитых, но не менее важных для антропологического теоретизирования: «эгалитарных» охотников и собирателей, «акефальных сложных обществ» горных районов, таких как Гималаи или Кавказ, племенных обществ Северной Америки, Евразии и Африки и т.д. – этот список можно было бы продолжать достаточно долго.

При этом важно отметить, что акцент на индивидуализме не делает гетерархические общества цитаделями социального равенства. Напротив, позиционируемая и воспринимаемая как эгалитарная, идеология индивидуализма скорее способствует утверждению социального неравенства, поскольку превращает межличностное соревнование, в котором всегда есть победители и проигравшие, в фундаментальную черту гетерархического общества (Rio, Smedal 2011: 27–34). «На практике сила эгалитарной идеологии заключена в стремлении людей демонстрировать свое социальное отличие как естественное» (Karferer 2012: 174). Это обстоятельство дает дополнительный повод подчеркнуть, что гетерархия не означает отсутствие иерархии или эгалитарность.

Базовые принципы организации обществ и варианты ранжирования социальных институтов

К. Крамли настаивает на «добавлении термина гетерархия в словарь отношений власти» (Crumley 1995: 3) и видит предпосылку гетерархической социально-политической организации в множественности источников власти, так как ее концепция направлена на изучение непосредственно политической подсистемы общества. Разрабатывая, в частности, проблематику «гетерархического государства», К. Крамли в этом отношении не отличается от большинства более традиционно мыслящих современных теоретиков, для которых «вся прогрессия (общественных форм. – Д.Б.) ...определяется в терминах политической организации» (Vansina 1999: 166) и которые «утверждают, что эволюция социальной сложности должна пониматься прежде всего как политический процесс» (Earle 1994: 940). В конечном счете К. Крамли также склонна видеть в государстве лишь специфическую форму политической организации.

В противоположность этому взгляду, мы считаем правильным и даже необходимым применять оба понятия, гетерархии и гомоархии, в более широких рамках социальных отношений и социальной структуры в целом, а не только в связи с отношениями власти. Политические институты образуют лишь часть структуры общества, неразрывно связанную со всеми ее частями (особенно в доиндустриальных социумах). Чрезмерный акцент на административную систему может приводить к упрощенному отождествлению гетерархии с демократическим политическим строем (Crumley 1995: 3; 2005: 46–47) (в то время как, в частности, гетерархическая социальная структура древнегреческого полиса допускала не только демократические, но также аристократические и олигархические формы политической организации). Общую характеристику же обществу следует давать как целому – как воплощению его

определенного типа. Более того, в этом нам видится возможный ключ к пониманию (по крайней мере, на начальном уровне) условий сложения того или иного общества как гомоархического или гетерархического. Как указывают социологи, «каждая подсистема общества характеризуется своей собственной формой стратификации: прибыль и богатство в экономической сфере, привилегии и власть в политической системе, моральная ценность и личное доверие в религиозной и семейной жизни и престиж и уважение в профессиональном мире» (Laumann, Siegel, Hodge 1970: 589). Следовательно, чем больше взаимосвязаны подсистемы (комплексы институтов, обслуживающих одну и ту же сферу общественной жизни), тем в меньшей степени критерии общего социального ранжирования применимы только к определенным сферам жизнедеятельности общества. Иначе говоря, чем больше взаимозависимы подсистемы (комплексы взаимосвязанных институтов), тем выше вероятность того, что в любом социальном контексте индивиды и их группы будут ранжированы одним и тем же образом на основе одной ценности, «охватывающей» все взаимосвязанные сферы общества. В этом случае можно фиксировать установление гомоархического социального порядка. Логично и то, что среди архаических сложных обществ было больше гомоархических, чем гетерархических, поскольку в условиях господствовавшей в них дюркгеймовской «механической солидарности» редко осуществлялось достаточно четкое разделение сфер общественной жизни.

Таким образом, наш подход основывается на убежденности в том, что, определяя общество как гетерархическое или гомоархическое, необходимо выходить далеко за рамки анализа его политических институтов. Общество должно рассматриваться как целостность, как система институтов всех видов, которая воплощает один из базовых принципов общественной организации, которому адекватна и система политических институтов. В частности, государство представляет собой «...особый тип социальной организации, выражающий особый тип общественного устройства в социуме» (Claessen 2003: 161), а не просто «политическую или управленческую единицу» (Marcus, Feinman 1998: 4). Общество дополняет и сочетает политические характеристики с характеристиками социальными, а через них – и экономическими. (Однако следует иметь в виду, что социальная и политическая подсистемы могут развиваться асинхронно: не всегда, но часто политическая система эволюционирует более быстрыми темпами.) В то же время, как подчеркивалось выше, в обществах неправильно видеть изолированные сущности – почти всегда они являются частями социокультурных сетей, в рамках которых происходят динамические трансформационные процессы. С этой точки зрения особенно показательны примеры систем политий суверенных доколониаль-

ных городов майя, йоруба и хауса: они состояли из обществ, в большинстве случаев организованных преимущественно гомоархически, но эти системы политий так никогда и не превратились в интегрированные империи, а оставались в целом гетерархическими социокультурными сетями, пусть в отдельные исторические периоды в них и доминировали те или иные политии (города).

Базовый принцип создания иерархии социальных институтов в том или ином обществе существенно влияет на характер отношений в нем, направление и темпы его трансформации. Эти процессы могут иметь любое направление и привести как к повышению, так и понижению или сохранению прежнего общего уровня социокультурной сложности общества, к сохранению прежнего базового принципа его организации или смене базового принципа с гетерархического на гомоархический или наоборот (некоторые примеры подобных метаморфоз см.: (Березкин 2000; *Social Struggles...* 2005; Kusimba, Kim, Kusimba 2017)). Важно отметить, что смена организационного принципа при сохранении прежнего уровня социокультурной сложности – явление, встречающееся достаточно часто. В этих случаях социальной эволюции в ее традиционном для антропологов понимании – как движения от низшего к высшему, от простого к сложному – не происходит. Тем не менее совершается радикальная внутренняя трансформация и реорганизация социальных институтов, притом что уровень сложности социокультурной системы остается прежним (несколько из многих примеров таких преобразований у народов различных эпох и регионов см.: (Leach 1954; Ferguson 1991; Lynsha 1998; Kowalewski 2000; Joyce, Barber 2016; Korotayev 2020; Kradin 2020)).

Дихотомию гомоархических и гетерархических обществ можно наблюдать на всех уровнях социокультурной сложности во все исторические периоды и во всех частях света. Следовательно, вопреки однолинейным схемам социальной эволюции, предполагающим, что повышение сложности (по крайней мере, вплоть до уровня доиндустриального государства) неизбежно сопровождается социально-политической гомоархизацией – нарастанием неравенства и социальной стратификации, сокращением роли широких слоев населения в политической жизни и так далее, степень гомоархизации не является верным критерием определения общего уровня развития социума. В частности, в противоположность большинству теорий государства, политическая централизация не должна рассматриваться как особенность именно государственных обществ, так как она столь же присуща и многим негосударственным формам общества, включая даже некоторые формы простых обществ (например: *Big Men...* 1991; *Chiefdoms...* 1998).

Очевидные альтернативы однолинейным эволюционным схемам трудно обнаружить буквально на каждом уровне сложности, включая

уровень государства. В частности, на уровне среднемасштабных обществ (т.е. обществ, имеющих один уровень надлокальной – как правило, фактически надобщинной – социально-политической интеграции) гомоархический и гетерархический принципы общественной организации наиболее полно воплощают соответственно вождества и племена. Как писал Э. Сервис, «вождество имеет, в известном смысле, пирамидальную или коническую структуру... Вождество радикально отличается от племени... не только экономической и политической организацией, но и в вопросе социального ранжирования ... племена эгалитарны, вождества глубоко неэгалитарны» (Service 1971: 142). Однако с точки зрения уровня сложности племя и вождество равны и, следовательно, являются гетерархическим и гомоархическим вариантами среднемасштабного общества.

Деление обществ на гомоархические и гетерархические, пусть, как отмечалось выше, не жесткое и не абсолютное, – постоянный факт социальной истории человечества; его появление даже предшествует ее началу: ученые делят сообщества приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития, включая сообщества приматов одного вида, на «деспотические» и «эгалитарные» (например: Matsumura 1999; Vehrencamp 1983), т.е. гомоархические и гетерархические, в нашей терминологии. В то же время недавние исследования убедительно показали, что подлинный эгалитаризм не присущ сообществам дочеловеческих приматов даже в большей степени, чем человеческим сообществам, в которых люди все же иногда предпринимают более или менее успешные попытки навязать их членам эгалитарную модель поведения и установить настоящее равенство (см.: Artemova 2020; Butovskaya 2020; Finlayson 2020). Таким образом, дихотомия гетерархии и гомоархии, очевидно, коренится в глубокой предыстории человечества. В отношении простейших культур, известных антропологии, – неспециализированных охотников и собирателей – деление на гомоархические и гетерархические общества отражает обозначение их антропологами как соответственно «неэгалитарных» и «эгалитарных» (среди народов Сибири и Дальнего Востока до прихода русских, например, к числу первых относились нанайцы, а вторых – юкагиры и ительмены).

Для уровня простых земледельческих деревенских общин один из показательных примеров дает сопоставление двух китайских деревень на Тайване, исследованных в середине прошлого века Б. Пастернаком (Pasternak 1972). Эти деревни имели общее происхождение, но в одной из них (Чунгше) в конце концов сложилась гомоархическая система корпоративных патрилиниджей при постоянном политическом доминировании одного из них, в то время как в другой деревне (Татиех) развитие линиджей было рано пресечено вследствие формирования кор-

поративных объединений, пересекавших границы родственных групп, что привело к сложению гетерархической системы нелокализованных агнатных десцентных групп, каждая из которых могла выдвинуть кандидата на роль главы деревни. В некоторых племенных обществах, к примеру у нага и качинов Индии и Мьянмы, автономные деревни, имея одинаковый тип экономики и уровень социокультурной сложности, также могут различаться системами управления, варьирующими в диапазоне от основанных на власти наследственных вождей до возглавляемых старейшинами, выбранными и назначенными членами деревенских советов.

Общества одного уровня социокультурной сложности и принципа организации могут иметь разные формы – альтернативность существует не только между, но и внутри гетерархической и гомоархической макрогрупп обществ. Так, племя отнюдь не является единственной возможной формой среднемасштабного гетерархического социума. Среди целого ряда других вариантов среднемасштабных гетерархических обществ можно упомянуть, к примеру, систему сложных акефальных общин с автономными семейными домохозяйствами, сложившуюся у живущего в Гималаях народа апатани. Также нет никаких оснований утверждать, что раннее государство, гомоархическое по определению (Claessen, Hagesteijn, van de Velde 2008: 260), было единственной возможной и исторически известной формой гомоархического доиндустриального сверхсложного общества. Альтернативами ему были не только сверхсложные гетерархические общества (культуры Индской цивилизации, древнегреческий полис, «республики» или «вольные общества» Горного Дагестана XVII–XIX вв. и т.д.), но и сверхсложные негосударственные гомоархические общества, в частности социумы в Индии и за ее пределами, основанные на кастовом строе. Другой пример гомоархической альтернативы гомоархическому же государству дают многочисленные мегаобщины доколониальной Африки или Юго-Восточной Азии I – начала II тыс. н.э. – общества, базировавшиеся на воспроизведении родственной (большесемейной) социокультурной «матрицы» на многочисленных надобщинных уровнях. Также вождества могли трансформироваться не в государства, а в столь же сложные и гомоархические, сколь и ранние государства, суперсложные вождества, что было характерно для древних и средневековых кочевников Евразии.

Сказанное выше означает, что трансформации гомоархического и гетерархического вариантов ранжирования социальных институтов и их комплексов, с одной стороны, и изменения общего уровня социокультурной сложности – с другой, представляют собой два разных, в целом не связанных друг с другом процесса. Гомоархия и гетерархия – не линии эволюции: переход общества от преимущественно гетерархи-

ческого способа ранжирования институтов к преимущественно гомоархическому или наоборот может как сопровождаться, так и не сопровождаться изменением общего уровня его сложности. На любом уровне социокультурной сложности встречаются и гетерархические, и гомоархические общества, так как одинаковый уровень сложности (позволяющий обществу решать встающие перед ним проблемы одной степени трудности) может достигаться в разных формах на различных по сути, хотя и пересекающихся в истории многих обществ и регионов, принципах организации обществ.

Заключение

Дихотомия гетерархии и гомоархии в значительной степени обусловила неоднородную и альтернативную сущность глобального социокультурного процесса.

Гетерархический принцип общественной организации не стал мало-значимым с исторической и антропологической точек зрения с течением времени – с подъемом социокультурной и политической сложности. На уровнях сложности выше племенного очень важные примеры добровольного объединения компонентов сложного общества как (более или менее) равноправных дают в числе прочих социально-политическая история греческих полисов в древности, Швейцарской Конфедерации в Средние века, Соединенных Штатов Америки в Новое время. Важно отметить, что только на этом пути оказывается возможным построение гражданского общества.

Появление раннего (архаического) государства и гомоархических альтернатив ему в большинстве регионов мира сделало гомоархию более широко распространенным принципом общественной организации вплоть до зрелого Нового времени. Однако когда западные общества постепенно превратились в гетерархические в целом системы социальных, экономических, политических, культурных и прочих институтов и впервые в истории одна цивилизация – Западная – начала доминировать во всем мире, гетерархия стала по меньшей мере столь же важной, сколь и гомоархия с точки зрения глобальной истории. Этого не отменяет даже то обстоятельство, что со времени, как Запад установил свое господство, глобальный современный мир в целом является гомоархическим. Это было совершенно очевидно в эпоху колониализма. Ситуация остается по сути той же самой и ныне, так как в мире сохраняется резкое глобальное неравенство. В глобальном мировом порядке гомоархия основывается на доминировании западных стран, которые сами социокультурно гетерархические и политически демократические. В то же время экономический и политический подъем в последние десятилетия нескольких отчетливо гомоархических государств (прежде всего

Китая, но также Ирана и ряда других) в сочетании с разнообразными тяжелыми проблемами, с которыми ныне сталкивается Запад, может заставить предположить, что завершение Нового времени окажется связанным с возвращением гомоархического принципа общественной организации как типичного для политически наиболее могущественных держав, которые попытаются распространить этот принцип на весь мир, в котором они будут доминировать, и сделают его еще более гомоархическим, чем он есть сейчас.

Однако эта гомоархическая тенденция может оказаться уравновешенной другой – гетерархической. Рассматривать общества и государства нашего времени как изолированные, самодостаточные системы еще более ошибочно, чем социумы какой-либо иной эпохи. Необходимость решения серьезных глобальных проблем требует нового уровня кооперации – они нерешаемы на национальном или международном уровне, на котором суверенные национальные государства остаются главными единицами мировой политики. Глобальные проблемы могут быть решены только на транснациональном уровне, который требует появления глобальных политических институтов, чьи решения имели бы обязательную силу для отдельных государств и их объединений – международных организаций. Такое положение предполагает отсутствие одной или нескольких постоянно доминирующих держав, потому что в различных ситуациях ведущую роль будут играть разные государства, международные организации и так далее, поддерживая баланс интересов всех вовлеченных сторон – глобального сообщества. Иными словами, это будет выражение принципа гетерархии на глобальном уровне.

При этом на более низких уровнях, особенно на уровне национальном, взаимодействие и «соствязание» гетерархического и гомоархического принципов будет продолжаться, даже если реализуется гомоархический глобальный сценарий: в разных обществах и регионах соотношение гетерархических и гомоархических черт будет по-прежнему различным. Более того, и на глобальном уровне всегда будут присутствовать элементы гетерархии даже при «вселенской гомоархии», потому что вряд ли какая-либо держава сможет доминировать абсолютно. В случае же установления «вселенской гетерархии» на глобальном уровне будут наличествовать элементы гомоархии, так как полное равенство всех мировых игроков останется недостижимым идеалом точно так же, как для индивидов в локальной группе охотников и собирателей.

В любом случае адекватное понимание социокультурной истории не представляется возможным без учета альтернативности базовых принципов организации обществ, их взаимодополняющего и конкурентного существования и их взаимной динамики на всем протяжении истории человечества.

Литература

- Артемова О.Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы: опыт изучения альтернативных социальных систем. М.: Смысл, 2009.
- Березкин Ю.Е. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре средне-масштабных обществ // Альтернативные пути к цивилизации / ред.: Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 259–264.
- Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна: ИЦ «Феникс»+, 1997.
- Artemova O.Yu. Equality as a Human Categorical Imperative // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 64–91.
- Artemova O.Yu. Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37, № 1. P. 62–80.
- Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Barnard A. Afterword // Human Origins: Contributions from Social Anthropology / ed. by C. Power, M. Finnegan, H. Callan. New York; Oxford: Berghahn, 2017. P. 319–335.
- Barth F. Political Leadership among Swat Pathans. London: Athlone Press, 1959.
- Bern J. Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation // Oceania. 1979. Vol. 50, № 2. P. 118–132.
- Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia / ed. by M. Godelier, M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991.
- Blanton R.E., Fargher L.F. How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016.
- Bryceson D.F. Deagrarianization and Depeasantization in Africa: Tracing Sectoral Transformation and Rural Income Diversification // Routledge Handbook of African Development / ed. by T. Binns, K. Lynch, E. Nel. Abingdon; New York: Routledge, 2018. P. 368–377.
- Butovskaya M.L. Primates as Living Links to Our Past: Variations in Hierarchy Steepness but Not Real Egalitarianism // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 13–26.
- Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas / ed. by E.M. Redmond. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1998.
- Claessen H.J.M. Aspects of Law and Order in Early State Societies // The Law's Beginnings / ed. by F.J.M. Feldbrugge. Leiden: Brill; Nijhoff, 2003. P. 161–179.
- Claessen H.J.M. Early State Intricacies // Social Evolution and History. 2005. Vol. 4, № 2. P. 151–158.
- Claessen H.J.M. Sacred Kingship: Cases from Polynesia // Social Evolution and History. 2018. Vol. 17, № 2. P. 3–26.
- Claessen H.J.M., Hagesteijn R.R., van de Velde P. Early State Today // Social Evolution and History. 2008. Vol. 7, № 1. P. 245–265.
- Cooperation and Collective Action: Archaeological Perspectives / ed. by D.M. Carballo. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2013.
- Crumley C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995. P. 1–5.
- Crumley C.L. Remember How to Organize: Heterarchy Across Disciplines // Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution / ed. by C.S. Beekman, W.W. Baden. Abingdon: Ashgate, 2005. P. 35–50.
- Earle T.K. Political Domination and Social Evolution // Companion Encyclopedia of Anthropology / ed. by T. Ingold. London: Routledge, 1994. P. 940–961.
- Feinman G.M. Chiefdoms and Nonindustrial States // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. 1 / ed. by D. Levinson, M. Ember. New York: Holt, 1996. P. 185–191.

- Ferguson Y.H.* From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience // Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology / ed. by T. Earle. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 169–192.
- Finlayson B.* Egalitarian Societies and the Earliest Neolithic of Southwest Asia // Перво-бытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 27–43.
- Finlayson B., Artemova O.* The Invention of Equality: Guest Editors' Foreword // Перво-бытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 7–12.
- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2012.
- Francisco R.A.* Collective Action Theory and Empirical Evidence. New York: Springer, 2010.
- Goldman I.* Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Hart K.* Jack Goody's Vision of World History and African Development Today. Halle; Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2011.
- Hierarchy and Value. Comparative Perspectives on Moral Order / ed. by J. Hickel, N. Haynes. New York; Oxford: Berghahn, 2018.
- Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology / ed. by A.K. Ziv, H.B. Schmid. Dordrecht: Springer, 2014.
- Johnson A.W., Earle T.K.* The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrar-ian State. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.
- Johnson G.A.* Organizational Structure and Scalar Stress // Theory and Explanation in Ar-chaecology / ed. by C. Renfrew, M.J. Rowlands, B.A. Segraves. New York: Academic Press, 1982. P. 389–421.
- Joyce A.A., Barber S.B.* Alternative Pathways to Power in Formative Oaxaca // Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis / ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: Uni-versity Press of Colorado, 2016. P. 41–58.
- Kapferer B.* Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia. Washington, DC; London: Smithsonian Institution Press, 2012.
- Korotayev A.V.* Evolution of Sociopolitical Institutions in North-East Yemen (the 1st Millen-nium BCE – the 2nd Millennium CE) // The Evolution of Social Institutions: Interdisci-plinary Perspectives / ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 161–184.
- Kowalewski S.A.* Cyclical Transformations in North American Prehistory // Alternatives of Social Evolution / ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 177–187.
- Kradin N.N.* Heterarchy and Hierarchy in Eurasian Steppes // The Evolution of Social Institu-tions: Interdisciplinary Perspectives / ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 185–204.
- Kusimba C.M., Kim N.C., Kusimba S.B.* Trade and State Formation in Ancient East African Coast and Southern Zambezia // Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity / ed. by R.J. Chacon, R.G. Mendoza. New York: Springer, 2017. P. 61–89.
- Laumann E.O., Siegel P.M., Hodge R.W.* The Consequences of Stratification // The Logic of Social Hierarchies / ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago: Markham, 1970. P. 589–593.
- Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. Bos-ton: Beacon Press, 1954.
- Lewis J.* Forest Hunter-Gatherers and Their World. Ph.D. Dissertation. London: University of London, 2002.
- Lynsha V.A.* From Chiefdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100 // Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Ap-

- proach / ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev, and O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 1998. P. 99–100.
- Marcus J., Feinman G.M. Introduction // *Archaic States* / ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1998. P. 3–13.
- Matsumura S. The Evolution of “Egalitarian” and “Despotic” Social Systems among Macaques // *Primates*. 1999. Vol. 40. № 1. P. 23–31.
- Medina L.F. A Unified Theory of Collective Action and Social Change. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2007.
- Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Mosko M.S. Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy // *History and Anthropology*. 1994. Vol. 7. № 1–4. P. 195–222.
- North D.C. Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance. San Francisco: ICS Press, 1992.
- Pasternak B. Kinship and Community in Two Chinese Villages. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.
- Peterson N. Pre-colonial Inequality in Aboriginal Australia // *Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований*. 2020. № 1. P. 55–63.
- Realism in Action: Essays in the Philosophy of the Social Sciences / ed. by M. Sintonen, P. Ylikoski, K. Miller. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Rio K.M., Smedal O.H. Hierarchy and Its Alternatives: An Introduction to Movements of Totalization and Detotalization // *Hierarchy: Persistence and Transformation in Social Formations* / ed. by K.M. Rio, O.H. Smedal. New York; Oxford: Berghahn, 2011. P. 1–63.
- Sahlins M.D. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Schotter A. The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schweitzer P.P. Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization // *Alternatives of Social Evolution* / ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 123–131.
- Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1971.
- Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders / ed. by K.A. Raafaub. Malden, MA: Blackwell, 2005.
- Taylor C. Institutions in National Life // *Reconciling the Solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism* / ed. by G. Laforest. Montreal; Kingston: McGill-Queens University Press, 1993. P. 120–134.
- The Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations / ed. by J.P. Arnason, K.A. Raafaub, P. Wagner. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
- Tuomela R. Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents. New York: Oxford University Press, 2013.
- Turner J. The Institutional Order. New York: Longman, 1997.
- Vansina J. Kings in Tropical Africa // *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa* / ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss. Maastricht: Foundation Kings of Africa, 1992. P. 19–26.
- Vansina J. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-Evolutionary Theory // *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa* / ed. by S.K. McIntosh. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 166–172.
- Vehrencamp S.L. A Model for the Evolution of Despotic versus Egalitarian Societies // *Animal Behavior*. 1983. Vol. 31. № 3. P. 667–682.

White J.C. Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995. P. 101–123.

Wright R. Cognitive Codes and Collective Action at Mari and the Indus // *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis* / ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016. P. 225–238.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2020 г.

Social institutions and basic principles of the organization of societies

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/7

Dmitri M. Bondarenko, The Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrimb@mail.ru

Abstract. Societies are systems composed of a great number of various social institutions that interact and change, which results in that the whole structure of societies changes. This is what social evolution is – the process of structural change. Evolution does not have any particular direction: any significant, that is, transforming change is evolutionary. Along with complexity measured in levels of political integration, societies as systems of social institutions have yet another fundamental characteristic that can be called a ‘basic principle of societal organization’. The principle of organization a society embodies depends on the way its institutions relate to one another. Specifically, two basic principles can be distinguished here: heterarchy, whereby elements are unranked or can be ranked in different ways, and its opposite – homoarchy, whereby elements in most contexts are ordered mainly according to one principal hierarchical relationship. Homoarchy and heterarchy represent most universal, ‘pure’ (generalized) principles and basic trajectories of socio-cultural organization. There are no universal evolutionary stages: cultures can be (generally) heterarchical or homoarchical and have an equal level of complexity. A culture can change its basic organizational principle without changing its current complexity level. There also exist alternatives within each of the two types. The heterarchy – homoarchy dichotomy runs throughout the whole of human history: it is observable on all levels of social complexity in all historical periods and culture areas, including the globalized world of our time. Transformations in the ways social institutions and complexes thereof, that is, societal subsystems, are ranked (either homoarchically or heterarchically), on the one hand, and changes in culture complexity overall, on the other, are two different, largely unrelated processes. The heterarchy – homoarchy dichotomy has, to a considerable degree, predetermined the non-linear and non-fixed nature of the global socio-cultural process. An adequate understanding of human socio-cultural history does not appear possible unless one takes into consideration the possibility of alternative basic principles of societal organization, their complementary and competitive co-existence, and their interrelated dynamics throughout human history. Also, considering this possibility enables discussion of the future of the present-day globalized world as not fixed but variable, where homoarchical and heterarchical principles may intersect in various ways and at different levels – national, international, and transnational.

Keywords: social institutions, principles of organization of societies, heterarchy, homoarchy, social evolution

References

Artemova, O.Yu. *Koleno Isava: ohotniki, sobirатели, rybolovy: (opyt izuchenija al'ternativnyh social'nyh sistem)* [The Kin of Esau: Hunters, Gatherers, Fishers (A Study of Alternative Social Systems)]. Moscow: Smysl, 2009.

- Berezkin, Yu.E. Eshhe raz o gorizontaľnyh i vertikaľnyh svyazjah v strukture srednemasshtabnyh obshchestv [Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies]. In: *Al'ternativnye puti k civilizacii* [Alternative Pathways to Civilization]. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynsha. Moscow: Logos, 2000, pp. 259–264.
- Dumont, L. *Jesse ob individualizme* [Essays on Individualism]. Dubna: IC “Feniks”+, 1997.
- Artemova, O.Yu. Equality as a Human Categorical Imperative, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 64–91.
- Artemova, O.Yu. Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study, *Cross-Cultural Research*, 2003, Vol. 37, no 1, pp. 62–80.
- Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Barnard, A. Afterword. In: *Human Origins: Contributions from Social Anthropology*. Ed. by C. Power, M. Finnegan, H. Callan. New York; Oxford: Berghahn, 2017, pp. 319–335.
- Barth, F. *Political Leadership among Swat Pathans*. London: Athlone Press, 1959.
- Bern, J. Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation, *Oceania*, 1979, Vol. 50, no 2, pp. 118–132.
- Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia*. Ed. by M. Godelier, M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l’Homme, 1991.
- Blanton, R.E., Fargher, L.F. *How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action*. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016.
- Bryceson, D.F. Deagrarianization and Depeasantization in Africa: Tracing Sectoral Transformation and Rural Income Diversification. In: *Routledge Handbook of African Development*. Ed. by T. Binns, K. Lynch, E. Nel. Abingdon; New York: Routledge, 2018, pp. 368–377.
- Butovskaya, M.L. Primates as Living Links to Our Past: Variations in Hierarchy Steepness but Not Real Egalitarianism, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 13–26.
- Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Ed. by E.M. Redmond. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1998.
- Claessen, H.J.M. Aspects of Law and Order in Early State Societies. In: *The Law’s Beginnings*. Ed. by F.J.M. Feldbrugge. Leiden: Brill / Nijhoff, 2003, pp. 161–179.
- Claessen, H.J.M. Early State Intricacies, *Social Evolution and History*, 2005, Vol. 4, no 2, pp. 151–158.
- Claessen, H.J.M. Sacred Kingship: Cases from Polynesia, *Social Evolution and History*, 2018, Vol. 17, no 2, pp. 3–26.
- Claessen, H.J.M., Hagesteijn, R.R., van de Velde, P. Early State Today, *Social Evolution and History*, 2008, Vol. 7, no 1, pp. 245–265.
- Cooperation and Collective Action: Archaeological Perspectives*. Ed. by D.M. Carballo. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2013.
- Crumley, C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In: *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995, pp. 1–5.
- Crumley, C.L. Remember How to Organize: Heterarchy Across Disciplines. In: *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution*. Ed. by C.S. Beekman, W.W. Baden. Abingdon: Ashgate, 2005, pp. 35–50.
- Earle, T.K. Political Domination and Social Evolution. In: *Companion Encyclopedia of Anthropology*. Ed. by T. Ingold. London: Routledge, 1994, pp. 940–961.
- Feinman, G.M. Chiefdoms and Nonindustrial States. In: *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. Vol. 1. Ed. by D. Levinson, M. Ember. New York: Holt, 1996, pp. 185–191.
- Ferguson, Y.H. From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience. In: *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Ed. by T. Earle. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991, pp. 169–192.

- Finlayson, B. Egalitarian Societies and the Earliest Neolithic of Southwest Asia, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 27–43.
- Finlayson, B., Artemova, O. The Invention of Equality: Guest Editors' Foreword, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 7–12.
- Flannery, K., Marcus, J. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2012.
- Francisco, R.A. *Collective Action Theory and Empirical Evidence*. New York: Springer, 2010.
- Goldman, I. *Ancient Polynesian Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Hart, K. *Jack Goody's Vision of World History and African Development Today*. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2011.
- Hierarchy and Value. Comparative Perspectives on Moral Order*. Ed. by J. Hickel, N. Haynes. New York; Oxford: Berghahn, 2018.
- Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology*. Ed. by A.K. Ziv, H.B. Schmid. Dordrecht: Springer, 2014.
- Johnson, A.W., Earle, T.K. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.
- Johnson, G.A. Organizational Structure and Scalar Stress. In: *Theory and Explanation in Archaeology*. Ed. by C. Renfrew, M.J. Rowlands, B.A. Segraves. New York: Academic Press, 1982, pp. 389–421.
- Joyce, A.A., Barber, S.B. Alternative Pathways to Power in Formative Oaxaca. In: *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis*. Ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016, pp. 41–58.
- Kapferer, B. *Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia*. Washington, DC; London: Smithsonian Institution Press, 2012.
- Korotayev, A.V. Evolution of Sociopolitical Institutions in North-East Yemen (the 1st Millennium BCE – the 2nd Millennium CE). In: *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020, pp. 161–184.
- Kowalewski, S.A. Cyclical Transformations in North American Prehistory. In: *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000, pp. 177–187.
- Kradin, N.N. Heterarchy and Hierarchy in Eurasian Steppes. In: *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020, pp. 185–204.
- Kusimba, C.M., Kim, N.C., Kusimba, S.B. Trade and State Formation in Ancient East African Coast and Southern Zambezia. In: *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. Ed. by R.J. Chacon, R.G. Mendoza. New York: Springer, 2017, pp. 61–89.
- Laumann, E.O., Siegel, P.M., Hodge, R.W. The Consequences of Stratification. In: *The Logic of Social Hierarchies*. Ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago: Markham, 1970, pp. 589–593.
- Leach, E.R. *Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure*. Boston: Beacon Press, 1954.
- Lewis, J. *Forest Hunter-Gatherers and Their World. Ph.D. Dissertation*. London: University of London, 2002.
- Lynsha, V.A. From Chiefdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100. In: *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary*

- Approach*. Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev, and O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 1998, pp. 99–100.
- Marcus, J., Feinman, G.M. Introduction. In: *Archaic States*. Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1998, pp. 3–13.
- Matsumura, S. The Evolution of “Egalitarian” and “Despotic” Social Systems among Macaques, *Primates*, 1999, Vol. 40, no 1, pp. 23–31.
- Medina, L.F. *A Unified Theory of Collective Action and Social Change*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2007.
- Melucci, A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Mosko, M.S. Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy, *History and Anthropology*, 1994, Vol. 7, no 1–4, pp. 195–222.
- North, D.C. *Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance*. San Francisco: ICS Press, 1992.
- Pasternak, B. *Kinship and Community in Two Chinese Villages*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.
- Peterson, N. Pre-colonial Inequality in Aboriginal Australia, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 55–63.
- Realism in Action: Essays in the Philosophy of the Social Sciences*. Ed. by M. Sintonen, P. Ylikoski, K. Miller. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Rio, K.M., Smedal, O.H. Hierarchy and Its Alternatives: An Introduction to Movements of Totalization and Detotalization. In: *Hierarchy: Persistence and Transformation in Social Formations*. Ed. by K.M. Rio, O.H. Smedal. New York; Oxford: Berghahn, 2011, pp. 1–63.
- Sahlins, M.D. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Schotter, A. *The Economic Theory of Social Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schweitzer, P.P. Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization. In: *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000, pp. 123–131.
- Searle, J. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Service, E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, 1971.
- Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders*. Ed. by K.A. Raaflaub. Malden, MA: Blackwell, 2005.
- Taylor, C. Institutions in National Life. In: C. Taylor. *Reconciling the Solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism*. Ed. by G. Laforest. Montreal; Kingston: McGill-Queens University Press, 1993, pp. 120–134.
- The Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations*. Ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub, P. Wagner. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
- Tuomela, R. *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Turner, J. *The Institutional Order*. New York: Longman, 1997.
- Vansina, J. Kings in Tropical Africa. In: *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa*. Ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss. Maastricht: Foundation Kings of Africa, 1992, pp. 19–26.
- Vansina, J. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-Evolutionary Theory. In: *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa*. Ed. by S.K. McIntosh. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 166–172.

- Vehrencamp, S.L. A Model for the Evolution of Despotic versus Egalitarian Societies, *Animal Behavior*, 1983, Vol. 31, no 3, pp. 667–682.
- White, J.C. Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia. In: *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995, pp. 101–123.
- Wright, R. Cognitive Codes and Collective Action at Mari and the Indus. In: *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis*. Ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016, pp. 225–238.